

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-120-126

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

КАРПОВА Александра Владимировна,

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического института
МВД России, канд. полит. наук,
e-mail: av_karpova@list.ru

КЛОЧКО Юлия Витальевна,

профессор кафедры психолого-педагогического и
медицинского обеспечения деятельности ОВД Всероссийского
института повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации, канд.
психол. наук, доцент,
e-mail: Chenklo@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ КОГНИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПОДХОДОВ В ТАКТИКУ ДОПРОСА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается интеграция когнитивно-ориентированных подходов в тактику допроса с акцентом на лингвистический аспект получаемых показаний. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения полноты и точности вербальной информации, извлекаемой в ходе следственных действий, а также поиском тактических приёмов, позволяющих преодолевать естественные ограничения памяти свидетелей и потерпевших. На основе анализа криминалистической литературы и данных психологии памяти раскрывается содержание метода когнитивного интервью, разработанного Р. Фишером и Э. Гейзельманом и основанного на принципе соответствия условий припоминания условиям запоминания. Систематизируются ключевые приёмы когнитивного интервью: мысленное и вербальное воссоздание события и контекста, детализация, припоминание обстоятельств в различной последовательности, смена перспективы. Особое внимание уделяется лингвистическому аспекту применения данных приёмов. Показано, что изменение хронологического порядка изложения событий создаёт повышенную когнитивную нагрузку для допрашиваемого, что затрудняет конструирование ложного нарратива и позволяет выявлять признаки неискренности через снижение темпа речи, уменьшение детализации и упрощение синтаксических конструкций. Рассматривается также приём смены перспективы, предполагающий описание события с точки зрения другого участника, что способствует актуализации дополнительных слоёв памяти и одновременно выступает инструментом верификации показаний. Обосновывается необходимость подготовки следователей к использованию когнитивно-ориентированных приёмов с учётом индивидуальных особенностей допрашиваемых, а также ограничений, связанных с возрастом, культурным контекстом и психологическим состоянием. Делается вывод о перспективности интеграции когнитивного подхода в тактику допроса как инструмента, повышающего не только полноту, но и достоверность получаемых показаний.

Ключевые слова: cognitive interview, interrogation tactic, linguistic analysis of statements, altering chronology, changing perspective, witness memory, verification of statements, cognitive load.

KARPOVA Alexandra Vladimirovna,

Lecturer in the departments of special disciplines of the Volgodonsk
branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Political Sciences

KLOCHKO Yulia Vitalievna,

Professor of the Department of Psychological, Pedagogical and
Medical Support for Internal Affairs Activities All-Russian Institute
for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation, Candidate of Psychological
Sciences, Associate Professor

INTEGRATING COGNITION-ORIENTED APPROACHES INTO INTERROGATION TACTICS: A LINGUISTIC PERSPECTIVE

Annotation. *This article examines the integration of cognitively oriented approaches into interrogation tactics, with a focus on the linguistic aspects of the statements obtained. The study is motivated by the need to enhance the completeness and accuracy of verbal information elicited during investigative procedures, as well as the search for tactical techniques capable of overcoming the inherent limitations of human memory in witnesses and victims. Drawing on forensic literature and research in the psychology of memory, the article explores the "cognitive interview" method—developed by R. Fisher and E. Geiselman—which is based on the principle that recall is most effective when the conditions of retrieval match the conditions under which the information was originally encoded. Key techniques of the cognitive interview are systematized, including the mental and verbal reconstruction of an event and its context, the elicitation of details, recalling circumstances in varying sequences, and shifting perspectives. Particular attention is paid to the linguistic dimensions of these techniques. It is demonstrated that altering the chronological order of an account imposes an increased cognitive load on the interviewee; this makes the construction of a fabricated narrative more difficult and allows for the detection of signs of insincerity, such as a slower speech rate, reduced detail, and the simplification of syntactic structures. The technique of shifting perspectives—describing an event from the viewpoint of another participant—is also discussed; this process facilitates the retrieval of additional memory traces while simultaneously serving as a tool for verifying the testimony. The article underscores the necessity of training investigators to apply these cognitively oriented techniques, while accounting for the individual characteristics of the interviewee, as well as limitations related to age, cultural context, and psychological state. It is concluded that integrating a cognitive approach into interrogation tactics is a promising strategy for increasing both the completeness and the reliability of the statements obtained.*

Key words: *credibility of statements, linguistic markers of insincerity, psycholinguistics, verbal insincerity, high-tech deception, investigative practice, interrogation tactics, linguistic forensic analysis.*

Показания свидетелей и потерпевших традиционно занимают центральное место в системе доказательств по уголовным делам. Однако их получение сопряжено с фундаментальной проблемой: человеческая память не является точным регистратором событий. Следовательно, приступающий к допросу, сталкивается с фундаментальным противоречием. С одной стороны, он заинтересован в получении максимально полной и точной информации. С другой — сама процедура допроса, с её жёстким регламентом, направляющими вопросами и ограниченным временем, нередко препятствует свободному припоминанию. Свидетель, вынужденный отвечать на узко сформулированные вопросы, теряет доступ к тем слоям памяти, которые могли бы быть актуализированы в более свободной коммуникации. Забывание, искажения, внушённые детали и стрессовые состояния — всё это способно существенно снизить достоверность вербальной информации, извлекаемой в ходе допроса. Разрешение этого противоречия требует пересмотра привычных тактических схем.

Эффективность расследования определяется не только узкопрофессиональными навыками, но и способностью следователя интегрировать в практическую деятельность знания из смежных дисциплин — криминалистики, криминологии и психологии. Наиболее перспективным

направлением такого пересмотра является интеграция когнитивно-ориентированных подходов, основанных на закономерностях работы памяти. Когнитивно-ориентированный подход предлагает принципиально иную логику: не направлять память, а создавать условия для её естественной актуализации. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск тактических приёмов, позволяющих не только повысить полноту показаний, но и создать условия для их верификации.

Допрос выступает одним из способов собирания и проверки доказательственной и ориентирующей информации. Процессуальные требования, предъявляемые УПК РФ (статьи 189–191 УПК РФ), не отводят следователю пассивную роль регистратора: они лишь задают рамки, внутри которых сохраняется пространство для творческого подхода к ведению следствия [1]. Следовательно, приступающий к допросу, ставит перед собой задачу получить полные, правдивые и конкретные показания. Однако решение этой задачи невозможно без понимания того, как формируются показания в психике человека. Ощущение, восприятие, память и мышление — вот те процессы, которые определяют содержание будущих показаний. И к этому необходимо добавить индивидуальные особенности допрашиваемого, без учёта которых любой тактический приём может оказаться неэффективным. Одним из тактических

приемов, используемым в ходе допроса, является метод когнитивного интервью. Когнитивное интервью возникло как альтернатива традиционному «полицейскому интервью», распространённому в США и отличавшемуся излишней прямолинейностью и низкой эффективностью. Метод разработан американскими психологами Р.Е. Гейзелемманом и Р. Фишером на базе достижений когнитивной психологии, откуда и получил своё название [2]. Когнитивное интервью представляет собой прием получения достоверной, исчерпывающей личностной (субъективной) информации от потерпевших и свидетелей преступления о признаках внешности, поведении преступника (преступников) и обстоятельствах содеянного им на основе реализации системы приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии [3, с. 91]. Практическое руководство для реализации данного положения для следователя состоит в необходимости сформировать на допросе такую обстановку, которая позволила бы допрашиваемому мысленно реконструировать условия восприятия, воссоздать последовательность развития наблюдавшихся им событий и тем самым актуализировать переживания, сопровождавшие их первоначальное восприятие.

Ключевое условие эффективности когнитивного интервью — создание атмосферы доверия и психологического комфорта. Свидетель или потерпевший должен чувствовать себя не формальным участником судопроизводства, а человеком, к которому проявляют искренний интерес. Практика показывает: там, где следователь воспринимает допрашиваемого лишь как формального участника процесса — свидетеля или потерпевшего, — контакт не складывается. Важнейшей предпосылкой эффективного допроса выступает персонализация: способность увидеть в допрашиваемом конкретную личность, а не безликую процессуальную роль.

Продуктивность когнитивного интервью определяется тем, как устроена память. Следы прошлого опыта сохраняются в ней не в виде разрозненных фрагментов, а как взаимосвязанные системы, в которые вплетены чувственные впечатления, переживания, пространственные и временные характеристики события. Чем полнее удаётся воссоздать обстановку, в которой происходило запоминание, тем легче становится доступ к этим системам.

Существенно и то, что забывание протекает неравномерно: наиболее интенсивно оно в первые часы после произошедшего. Отсюда практический вывод — когнитивное интервью целесообразно проводить как можно раньше, разумеется, с поправкой на актуальное психологическое состояние допрашиваемого.

Приёмы когнитивной направленности не

подменяют собой традиционные тактические построения допроса, а сосуществуют с ними, дополняя их. Исследователи обращают внимание на то, что внешне когнитивное интервью воспроизводит обычную методическую схему допроса, однако за этим сходством скрывается иное содержание отдельных этапов. Существо различий сводится к двум моментам: преимущественной опоре на мнемотехнические средства и перераспределению контроля в пользу допрашиваемого.

Теоретические основания когнитивного интервью задают общую рамку, но практическая ценность метода раскрывается через конкретные приёмы, которые следователь использует в ходе допроса. Рассмотрим ключевые из них [4].

1. Мысленное воссоздание события и контекста.

Первый прием основан на том, что доступ к следам памяти облегчается при совпадении условий припоминания с условиями первоначального восприятия. Допрашиваемому предлагается мысленно перенестись в ту обстановку, в которой происходило событие. Речь идёт не о простом напоминании места и времени, а о восстановлении целостного контекста восприятия: где именно находился человек, что его окружало, каково было освещение, слышались ли какие-либо звуки, кто находился рядом.

Существенную роль играет и внутреннее состояние допрашиваемого в момент события. Поэтому следователь может уточнять, что человек чувствовал, о чём думал, куда направлялся, был ли он сосредоточен на чём-то конкретном или его внимание было рассеяно. Подобные вопросы не преследуют цели получить немедленно значимую для дела информацию — их назначение состоит в другом. Они помогают активизировать те ассоциативные связи, которые в момент восприятия соединили внешние обстоятельства с переживаниями и мыслями человека. Когда эти связи оживают, становится легче добраться и до самого события, зафиксированного в эпизодической памяти.

В криминалистической литературе данный приём получил наименование мысленного воссоздания события. Его ценность состоит в том, что он не требует от допрашиваемого немедленного изложения фактов, а создаёт предварительное условие для их последующего припоминания. Следователь, задавая вопросы о погоде, настроении, предшествующих переживаниях, как бы прокладывает путь к тем пластам памяти, которые при прямом вопросе «расскажите, что произошло» нередко остаются закрытыми.

2. Вербальное воссоздание события и контекста.

Второй прием — вербальное воссоздание — состоит в том, что допрашиваемому предлага-

ется изложить событие вслух в свободной форме. От него не требуется придерживаться хронологической последовательности, укладываться в определённую схему или выделять, по его мнению, главное. Напротив, ему предоставляется возможность рассказать всё, что сохранилось в памяти, в том порядке, в каком эти сведения всплывают.

Позиция следователя при этом существенно меняется по сравнению с обычным допросом. Он не перебивает, не поправляет, не направляет рассказ в нужное русло и не спешит с уточняющими вопросами. Такая сдержанность имеет принципиальный характер: любое вмешательство в свободное повествование сужает поле припоминания, переключая внимание допрашиваемого на те фрагменты, которые интересуют следователя, и оставляя в тени всё остальное.

Смысл приема состоит в том, чтобы дать возможность проявиться тем деталям, которые не попали бы в поле зрения при использовании узконаправленных вопросов. Человек, отвечающий на конкретный вопрос, сообщает лишь то, что, по его представлению, относится к делу. В свободном рассказе он невольно упоминает обстоятельства, которые сам не считает значимыми: случайно обронённую фразу, мимолетное движение, посторонний звук, особенности одежды. Для следователя подобные подробности нередко оказываются ценнее, чем те сведения, которые допрашиваемый счёл нужным сообщить. Кроме того, свободное изложение позволяет наблюдать за тем, как допрашиваемый выстраивает повествование: в какой последовательности переходит от одного эпизода к другому, где останавливается, к чему возвращается. Эти особенности речевого поведения сами по себе содержат информацию, которая может быть использована при оценке достоверности показаний.

3. Детализация и развёртывание повествования.

Приём детализации состоит в том, что допрашиваемого побуждают к как можно более развёрнутому описанию отдельных сторон события. При этом акцент делается не на юридической квалификации происшедшего и не на тех обстоятельствах, которые, по мнению самого допрашиваемого, являются существенными, а на чувственно конкретных характеристиках воспринятого. В практических руководствах по допросу этот приём описывается через указание на необходимость подробного изложения происшествия вне зависимости от того, относится ли сообщаемое напрямую к составу преступления.

Объектом детализации может становиться широкий круг явлений. Это и внешность участников события — черты лица, телосложение, одежда, особые приметы, — и их поведение:

позы, жесты, походка, манера держаться. Это и особенности речи: тембр голоса, темп, наличие акцента, характерные выражения, оговорки. Это и предметы, находившиеся в поле зрения: их форма, цвет, размеры, расположение. Наконец, это звуки и запахи, сопровождавшие событие.

Подобная детализация выполняет несколько функций. Прежде всего, она способствует более полному восстановлению события в памяти: попытка описать конкретную деталь нередко запускает цепочку ассоциаций, выводящую на другие, казалось бы, забытые обстоятельства. Кроме того, детализированное описание поддаётся последующей проверке — сопоставлению с показаниями других лиц, с результатами осмотра места происшествия, с данными экспертиз. Наконец, степень детализированности рассказа сама по себе имеет диагностическое значение: правдивое повествование, как правило, содержит больше чувственно конкретных подробностей, тогда как вымысел тяготеет к общим формулировкам.

Существенно, что детализация не должна превращаться в навязывание допрашиваемому тех или иных сведений. Следователь побуждает к описанию, но не подсказывает содержание. В противном случае возникает риск внушения — допрашиваемый может начать сообщать не то, что действительно помнит, а то, что, по его представлению, ожидает услышать следователь.

4. Изменение хронологического порядка изложения.

Среди приемов когнитивного интервью особое место занимает предложение допрашиваемому изложить событие в непривычной последовательности. Ему может быть предложено начать с конца и постепенно двигаться к началу, либо начать с середины, либо описать эпизоды в порядке, обратном хронологическому. Внешне подобное задание выглядит несложным, однако на деле оно существенно перестраивает привычный механизм припоминания. Обычно память предоставляет доступ к событиям в той последовательности, в которой они разворачивались. Хронологический порядок выступает своего рода опорой, каркасом, на который нанизываются отдельные эпизоды. Когда допрашиваемому предлагают отказать от этого каркаса, он оказывается перед необходимостью выстраивать новые связи между фрагментами воспоминаний, отталкиваясь не от естественного течения событий, а от иной логики. Это требует дополнительных усилий и приводит к повышению когнитивной нагрузки.

Для правдивого свидетеля подобное затруднение не является непреодолимым. В его распоряжении имеется реальный чувственный опыт, который можно реконструировать в любом направлении — от завершающих эпизодов к ис-

ходным, либо от центральной части события к его периферийным фрагментам. Восстановление хода событий в обратном порядке может быть медленным, сопровождаться паузами и уточнениями, но оно опирается на подлинные воспоминания, которые никуда не исчезают при смене направления изложения.

Иная ситуация складывается, когда допрашиваемый конструирует вымысел. Ложный нарратив обычно готовится заранее и выстраивается в определённой последовательности, которая кажется его создателю наиболее убедительной. Изменение порядка изложения разрушает эту заранее подготовленную схему. Допрашиваемому приходится не воспроизводить заготовленный рассказ, а перестраивать его на ходу, удерживая в сознании одновременно несколько линий повествования. Именно в этот момент возрастает вероятность речевых сбоев, противоречий, утраты деталей — тех признаков, которые могут свидетельствовать о неискренности.

5. Смена перспективы.

Приём смены перспективы состоит в том, что допрашиваемому предлагается описать событие не со своей привычной позиции, а с иной точки зрения. Его могут попросить представить, что видел человек, находившийся на противоположной стороне улицы, или как выглядело происходящее глазами второго участника конфликта. Подобная постановка задачи внешне напоминает простую просьбу о фантазии, однако психологический механизм здесь иной: допрашиваемый не придумывает несуществующее, а пытается извлечь из памяти те фрагменты события, которые при прямом изложении остались вне поля зрения.

Смена перспективы опирается на свойство эпизодической памяти хранить событие не как плоскую картинку, а как многомерную структуру, включающую наблюдения с разных ракурсов. В момент восприятия человек обычно сосредоточен на чём-то одном — на лице собеседника, на угрожающем предмете, на собственных действиях. Остальное фиксируется периферийно и при обычном рассказе не воспроизводится. Предложение взглянуть на ситуацию с иной позиции побуждает память обратиться к этим периферийным слоям, которые сохранились, но не были востребованы.

Одновременно рассматриваемый приём выполняет функцию верификации. Правдивый свидетель, обладающий реальным опытом пережитого, способен переключиться на другую перспективу и обнаружить новые детали — расположение предметов, действия третьих лиц, обстановку, которая при первоначальном изложении осталась за кадром. Эти детали не противоречат основному рассказу, а дополняют его, образуя связную картину.

Иная картина наблюдается, когда допрашиваемый конструирует вымысел. Ложный нарратив обычно выстраивается вокруг одной линии, одной точки зрения, которая кажется его создателю наиболее убедительной. Попытка посмотреть на событие с иной позиции обнаруживает, что за пределами этой линии ничего не проработано. Допрашиваемый либо затрудняется с ответом, либо начинает противоречить сам себе, либо воспроизводит те же самые детали, лишь формально меняя точку зрения. Подобные затруднения не являются прямым доказательством лжи, но служат ориентиром, указывающим на области, требующие дополнительной проверки.

Существенно и то, что смена перспективы снижает эффект «заученного» рассказа. Допрашиваемый, подготовившийся к допросу и отрепетировавший определённую версию событий, оказывается в ситуации, к которой его подготовка не была рассчитана. Ему приходится импровизировать, а любая импровизация в условиях вымысла сопряжена с риском рассогласования деталей.

6. Неожиданные вопросы и прерывание сценария.

Ещё одним средством, повышающим когнитивную нагрузку на допрашиваемого, выступает включение вопросов, которые не вписываются в заранее выстроенный им сценарий разговора. Логика приёма опирается на различие между двумя типами речевого поведения. Человек, излагающий подлинные события, обычно не готовится к допросу как к экзамену: он не выстраивает заранее последовательность реплик и не прогнозирует, какие именно вопросы будут заданы. Его рассказ разворачивается по мере припоминания, и неожиданный вопрос лишь меняет направление поиска в памяти, но не разрушает саму способность отвечать. Он может задуматься, уточнить, признать, что не помнит, — однако его ответы сохраняют внутреннюю согласованность с уже сказанным.

Иначе обстоит дело, когда допрашиваемый конструирует вымысел. Ложный рассказ, как правило, готовится заранее: продумываются ключевые эпизоды, подбираются объяснения, репетируются ответы на вероятные вопросы. Эта подготовка создаёт иллюзию уверенности, пока разговор идёт по намеченному руслу. Неожиданный вопрос разрушает эту иллюзию. Допрашиваемый оказывается перед необходимостью отвечать немедленно, не имея заготовленного варианта, — и в этот момент ему приходится одновременно удерживать в сознании уже изложенную версию, следить за её непротиворечивостью и конструировать новый фрагмент, который должен с ней согласовываться. Подобная многозадачность создаёт повышенную нагрузку, которая нередко проявляется в речи: в паузах, сбивчивости, утрате

деталей, противоречиях с ранее сказанным.

Существенно, что неожиданность вопроса не должна быть самоцелью. Речь идёт не о том, чтобы озадачить допрашиваемого ради самого эффекта, а о том, чтобы вывести разговор за пределы заранее подготовленной схемы и проверить, сохраняет ли его рассказ связность и устойчивость при изменении направления беседы. Вопросы могут касаться частных деталей — времени, погоды, расположения предметов, порядка действий, — то есть тех обстоятельств, которые при реальном восприятии фиксируются непроизвольно, а при конструировании вымысла остаются непроработанными.

Приёмы когнитивного интервью создают условия для актуализации памяти, но их диагностическая ценность раскрывается через речь. Перейдём к лингвистическому аспекту их применения.

Применение когнитивно-ориентированных приёмов, прежде всего изменения хронологии и смены перспективы, сопряжено с возрастанием нагрузки на познавательные процессы допрашиваемого. Эта нагрузка находит отражение в речи: учащаются паузы, замедляется темп, возрастает число самокоррекций и оговорок. Для добросовестного свидетеля подобные проявления естественны — они отражают трудности припоминания. Для лица, конструирующего вымысел, они усиливаются, поскольку ему приходится одновременно удерживать подлинную версию событий и выстраивать её замену.

Психолингвистические исследования фиксируют различия между правдивыми и ложными высказываниями на нескольких уровнях языковой системы. На лексическом уровне это выражается в снижении частоты местоимений первого лица, в использовании хеджирующих выражений, в дефиците сенсорно-перцептивной лексики. На синтаксическом уровне — в усложнении конструкций и ослаблении логической связности. На просодическом уровне — в изменении паузальной структуры и темпа речи. Когнитивные приёмы усиливают диагностическую ценность этих маркеров: когда допрашиваемого побуждают излагать события в обратном порядке или с иной точки зрения, ложный нарратив утрачивает устойчивость, а признаки неискренности проявляются отчётливее.

Когнитивные приёмы обладают не только диагностическим, но и верификационным потенциалом. Смена перспективы позволяет обнаружить противоречия, которые при стандартном допросе остаются незамеченными. Детализация открывает возможность проверить правдоподобие описания через сопоставление с установленными фактами. Изменение хронологии создаёт условия для выявления несоответствий во временной по-

следовательности событий. Следует учитывать и ограничения приёмов: затруднения при ответе не могут рассматриваться как самостоятельное доказательство неискренности. Их значение состоит в другом: они указывают на области, требующие дополнительной проверки, и создают условия, при которых различия между правдивым и ложным повествованием проявляются отчётливее. Некоторым людям, независимо от их искренности, объективно трудно менять точку зрения — в силу особенностей пространственного воображения, возраста или культурного опыта. Все приёмы следует рассматривать в совокупности с другими данными, полученными в ходе допроса и проверки показаний.

Эффективность любого тактического приёма зависит не только от его теоретической обоснованности, но и от условий применения. Когнитивно-ориентированный допрос требует от следователя определённых навыков, занимает больше времени, чем стандартный, и имеет свои ограничения. Практические аспекты интеграции этих приёмов в следственную работу заслуживают отдельного рассмотрения. Следователю необходимо владеть приёмами установления доверительного контакта, уметь формулировать открытые вопросы, выдерживать паузы, не прерывать свободное повествование и не подталкивать допрашиваемого к заранее ожидаемым ответам. Подобные навыки не формируются в ходе теоретического изучения материала — они требуют многократной отработки в условиях, моделирующих реальные следственные ситуации. Применение когнитивного интервью сопряжено с рядом ограничений. Прежде всего, оно требует значительных временных затрат, что не всегда согласуется с плотностью следственной работы. Кроме того, эффективность метода снижается при допросе отдельных категорий лиц — детей, людей с психическими расстройствами, представителей иных культурных групп, — что требует адаптации приёмов или отказа от их использования. Наиболее перспективным направлением представляется объединение когнитивно-ориентированных приёмов с последующим лингвистическим анализом полученных показаний. Фиксация речевых характеристик, аудио- и видеозапись создают основу для применения методов психолингвистического анализа. При этом необходимо учитывать, что языковые маркеры неискренности не являются доказательствами в процессуальном смысле: их роль носит вспомогательный, ориентирующий характер. Результаты применения когнитивных приёмов подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами. Согласно статье 88 УПК РФ [1], каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Лингвистические маркеры неис-

кренности не могут рассматриваться изолированно: они приобретают значение лишь в системе с иными сведениями, полученными процессуальным путём.

Проведенный анализ позволяет сформулировать обобщающий вывод: когнитивно-ориентированные подходы к допросу опирающиеся на закономерности памяти, представляют собой перспективное направление криминалистической тактики, позволяющее повысить полноту и точность показаний. Приёмы мысленного и вербального воссоздания события, детализации, изменения хронологии и смены перспективы актуализируют дополнительные слои памяти и одновременно повышают когнитивную нагрузку на допрашиваемого, которая оставляет измеримые следы в речи — в паузальной структуре, темпе, синтаксической сложности и лексическом составе. Эти речевые проявления служат ориентирами для оценки достоверности, однако их диагностическая ценность требует комплексного подхода и учёта индивидуальных особенностей говорящего. Наиболее перспективна интеграция когнитивных приёмов с последующим лингвистическим анализом показаний, позволяющая не только повысить полноту информации, но и создать основу для её верификации; дальнейшие исследования должны быть направлены на экспериментальную проверку эффективности конкретных приёмов в условиях, приближенных к реальной следственной практике, и на разработку методических рекомендаций для следователей.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред.

от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

[2] Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1992.

[3] Еникеев М. И. Следственные действия: психология, тактика, технологи : учеб.-практ. пособие / М. И. Еникеев, В. А. Образцов, В. Е. Эминов. — М. : Проспект, 2011. — 216 с.

[4] Осорина М.В., Устинова В.А. Как вербализовать «неявное знание» в процессе психологического интервьюирования: продуктивные идеи из смежных практик // Петербургский психологический журнал. 2016. № 16. С. 42–63.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[2] Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1992.

[3] Enikeev M.I. Investigative actions: psychology, tactics, technologists: educational-practical. Allowance / M. I. Enikeev, V. A. Obratsov, V. E. Eminov. - M.: Prospect, 2011. - 216 s.

[4] Osorina M.V., Ustinova V.A. How to verbalize "implicit knowledge" in the process of psychological interviewing: productive ideas from related practices // Petersburg Psychological Journal. 2016. № 16. S. 42-63.

